

ЗОЯ ДОНГАК

Мама Нади Рушевой

ВОСПОМИНАНИЯ, ФОТОГРАФИИ,
ПИСЬМА, ГРАФИКА НАДИ РУШЕВОЙ

Зоя Донгак
Мама Нади Рушевой

«Издательские решения»

2015

Донгак З. Ш.

Мама Нади Рушевой / З. Ш. Донгак — «Издательские решения»,
2015

Книга представляет собой воспоминания матери всемирно известной, талантливой художницы Нади Рушевой. Наталья Дойдаловна Ажыкмаа-Рушева из рода Салчак рассказывает о мире Тувы, начиная с 20-х годов XX века по наши дни, о любви и жизни с мужем Николаем Рушевым, о дочери Наде. Книга предназначена для самого широкого круга читателей, особенно, молодых, для всех, кому близки проблемы развития культуры в нашей стране.

© Донгак З. Ш., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Предисловие	6
В родной юрте	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Мама Нади Рушевой
Воспоминания, фотографии,
письма, графика Нади Рушевой
Зоя Шомбуловна Донгак**

© Зоя Шомбуловна Донгак, 2015

Редактор М.А. Замотина

Редактор М.А. Хадаханэ

Редактор А.Н. Лукьянов

Корректор А.Р. Эренчин

Благодарности

Т.К. Монгуш

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие

Воспоминания Н. Д. Ажыкмаа-Рушевой – уникальное произведение. Это не только истории из семейного архива художников Рушевых – отца и дочери, но и мир Тувы – с 20-х годов XX века по наши дни.

Наталья Дойдаловна Ажыкмаа – первая тувинская балерина, вдова художника Николая Рушева и мама юной художницы Нади Рушевой, трагически ушедшей из жизни в 17 лет.

Свои воспоминания Ажыкмаа-Рушева создает в 87 лет, при абсолютной слепоте.

...Наталья Ажыкмаа-Рушева – ровесница века XX, её воспоминания – ценнейшие документальные свидетельства эпохи, уникальные рассказы о жизни тувинского народа, написанные искренне, с любовью к своей Родине.

Права истина, что человек проживает свою жизнь дважды, только второй раз – в воспоминаниях. В своих воспоминаниях о муже, о дочери, в беседах с теми, кто их знал, Наталья Дойдаловна заново прожила и свою, и их жизни.

Так рождалась книга, в которой хотелось передать любовь и память.

*Марина Замотина,
заслуженный работник культуры России,
член Союза писателей России,*

В родной юрте

В местечке Уш-Кожээ (Три каменные стелы) на берегу реки Биче-Баян-Кол, впадающей в Енисей, стояли дырявые, продымленные две юрты и три кожээ (каменные изваяния). Неизменным источником радости, единственным богатством арата – бедного кочевника было лишь ласковое осеннее солнце, увядающая, опаленная знойными ветрами зелень на деревьях, голубое бездонное небо да жухлые травы поблекшей степи. При заходе солнца отблеск солнечных лучей отражались на горах Танды-Уула.

В конце 20-х годов XX века свирепствовала страшная эпидемия оспы. Бабушка Дундуулак со своим братом Балдып пригласила двух лам для тяжелобольной младшей дочери Дойдал. Два дня назад она похоронила старшую дочь Билчит и внука Седипа – сына дочери Дойдал.

Ламы уселись в юрте и принялись читать священные книги, а когда прерывали чтение, то гремели медными тарелками, играли на музыкальных инструментах – конге, кенгирге, дамбыре, бубне. Они читали молитвы то скороговоркой, то растягивая слова, то пели хором. Были зажжены светильники, в чашах стояла скудная еда. Все молились, кланяясь до земли. Молились дети умершей от оспы Билчит: Матпа, Насыкпан, Курседи, Анайбан, Чысынмаа. Молились дети умирающей Дойдал: Кок, Ошку-Саар, Коргудар, Ажыкмаа. Особенно истово молились Балдып и бабушка, кланяясь много раз подряд...

За время болезни оспой Билчит, Седип, Дойдал ламы и шаманы много чего унесли: одежду, разные шкуры, меха, продукты. Увели скот...

– Ах, беда, беда! – причитала бабушка. – Ведь только вчера она говорила: «Мама, одна надежда на тебя. Единственный сын Седип отправился в божий мир. Воспитаю, как следует моих дочерей». А теперь, гляди, кто подумал бы, кто во сне такое видел! За такое короткое время я потеряла двух дочерей и внука. Ах, лучше бы на их месте лежала я, сколько детей сиротами оставили!

– Так рассказывала о моем раннем детстве и о моей маме Дойдал моя бабушка, – вспоминает Наталья Дойдаловна.

Я сижу напротив мамы Нади Рушевой в доме в городе Москве, чтобы записать её воспоминания. В этой двухкомнатной крошечной квартире на пятом этаже «хрущёвки» на Кавказском бульваре в районе Царицыно находится мастерская Нади-художника. Здесь живет Наталья Дойдаловна Ажыкмаа-Рушева. Здесь жила ее знаменитая дочь Надя. Здесь жил ее муж – художник Николай Рушев. И вот передо мной невысокая энергичная женщина с восточными чертами лица, с седыми кудрявыми волосами, с полуопущенным взглядом. Я благодарна ее двоюродной сестре – Мариш Сымыяевне Чымба, которая нас познакомила.

Рассказ о своей жизни мама Нади начала с тех давних пор, когда в Туве свирепствовала оспа и многие из ее родни умерли от этой болезни.

Чаще всего Наталью Дойдаловну просят рассказать о знакомстве с Николаем Рушевым, об их любви, о жизни ее дочери Нади, о том, как она росла, как увлеклась рисованием, в чем суть её человеческой души.

Когда позади 86 лет, любому человеку найдется, что вспомнить. Но не у каждого жизнь окажется столь насыщенной, как у Натальи Дойдаловны. Ее воспоминания – это не только истории из семейного архива художников Рушевых – отца Николая Константиновича и дочери Нади, но и мир Тувы – с 20-х годов XX века по наши дни.

Сейчас Наталье Дойдаловне 88 лет. Она абсолютно слепая. Эта, казалось бы, совершенно старая женщина, преображается, вспоминая себя в раннем детстве.

Я родилась 20 ноября 1926 года в местечке Уш-Кожээ арбана Биче-Баян-Кол (ныне сумон Сесерлиг Пий-Хемского района) Республики Тыва.

Мои родители рано умерли (отец до рождения, а мамы не стало, когда мне было 2,5 года). Меня вырастила моя бабушка по линии матери Дундуулак Чумаанчы. Об отце бабушка ничего не рассказывала, поэтому ничего о нем я не знаю. У бабушки были две дочери: моя мама Дойдал и её старшая сестра Билчит. У каждой – по пятеро детей. В те годы в Туве свирепствовала оспа: обе дочери бабушки и мой старший родной брат одновременно умерли от оспы. Бабушка осталась с девятью внучатами на руках.

В бедной черной юрте помощником бабушки и хозяином был наш дядя Балдып. С нами жил и его сын Курбу. С малых лет нас бабушка и дядя приучали к труду. На всю жизнь я запомнила бабушкину сгорбленную фигуру, невысокий рост и особенно её глаза: чёрные, с весёлым огоньком. Мне казалось, что они светятся. И светятся всегда. От них шло тепла столько, что вокруг всё расцветало. Помню, как её старые, дряхлые руки ласкали меня, когда я, обидевшись на кого-то, плакала. Бабушка была со всеми одинаково добрая, терпеливая, никогда никому ни на что не жаловалась, зато другим сочувствовала по любому поводу. Даже смерть дочерей и внука не изменила ее характера – она стала только печальнее. По вечерам бабушка или дядя рассказывали нам сказки или легенды, и когда мы с Курбу засыпали, бабушка, укутывая нас, склонялась над нами и вдыхала запах наших волос.

Тувинцы, желая выказать нежность, раньше не целовали, а вдыхали запах волос или кожи.

С Курбу мы почти одногодки, поэтому все время были вместе и, как все дети соседей, пасли ягнят, телят.

Под утро спалось сладко и крепко, но надо было вставать: бабушка детей будила, мы быстро вскакивали, почти на ходу пили хойтпак или молоко, выгоняли из кошары ягнят и телят, чтобы пасти их целый день. С шестилетнего возраста я с братом самостоятельно пасла овец. Целый день ели курут – кубиками высушенный творог, завязанный в поясе. Бараны летом паслись хорошо, поэтому мы успевали поиграть в сайзанак (детские игры). Зимой было труднее, но мы всё равно успевали построить снежные дворцы. Время определяли по солнцу, всегда вовремя пригоняли отару овец домой. Но изредка, особенно весной, путали время и возвращались раньше положенного срока, тогда получали нагоняй от дяди. Мы не обижались на него, потому что он был прав. На зимних пастбищах юрты ставились небольшими группами – по одной, по две, поэтому детям было не так радостно и привольно, как летом и весной. Зато на чайлагах дети резвились вволю — пели, танцевали и играли в спортивные игры.

Дядя Балдып был очень трудолюбивым. Мне кажется, он даже не болел. Легко ли было ему и бабушке прокормить нас всех, имея такое нехитрое хозяйство. Застать в аале дядю летом было трудно. Я никогда не видела, чтоб он был пьян или сидел просто так без дела: то сено косил, то выращивал пшеницу, то ходил на охоту. Заготовив дрова, он продавал их в *Кызыле, а на вырученные деньги покупал продукты и вещи первой необходимости, очень редко сладости. Я до сих пор помню его озабоченное, немного суровое лицо. Он был немногословен. О своей жене дядя Балдып ничего не рассказывал, видимо, она умерла очень рано, и он остался с сыном.

Пришло время и старшие братья и сестры покинули родной кров. Они отправились в Кызыл, где начали самостоятельно жить и работать. В юрте бабушки нас четверо детей – моя родная сестра Коргудар, двоюродная сестра Чысынмаа, сын дяди Балдыпа – Курбу и я – Ажыкмаа.

– *Наталья Дойдаловна, а как ваше имя стало вашей фамилией, а имя вашей мамы – вашим отчеством? – с удивлением спрашиваю я её.*

– *Имя Ажыкмаа мне дала хин-авам (пуповину отрезавшая) бабушка Барынмаа. Я из рода Салчак. При паспортизации – после вступления в 1944 году Тувинской Народной Рес-*

публики в состав СССР – моё имя Ажыкмаа записали фамилией вместо моего тувинского имени Ажыкмаа написали новое русское имя – Наталья.

– Нас собрали тогда в большом зале театра и, толком ничего не разъяснив, сказали, что по документу у каждого из нас должны быть имя, отчество и фамилия.

В группе у многих были одинаковые фамилии – по названию рода, а нам сказали, что не все должны иметь одну и ту же фамилию. Итак, моя фамилия Салчак стала Ажикмаа, а имя моей мамы Дойдал стало отчеством – Дойдаловна.

Типичная для Тувы история: подобное при получении паспортов происходило и с членами других семей. Вот такая путаница. Так что по паспорту я стала – Ажикмаа Наталья Дойдаловна, а фамилия – Салчак вообще отсутствует.

В раннем детстве мне казалось, что моя бабушка никогда не спит: встаёт раньше всех, ложится позже всех. Я каждое утро видела, как бабушка брызгала чай тос-караком – девятиглазкой (деревянной ложкой) сначала в сторону обруча дымового отверстия, потом выходя из юрты в сторону восходящего солнца, гор, реки и произносила слова благословения:

«Помилуй нас, тайга моя! Помилуйте нас, девять небес моих!

Помилуй нас, солнце! О милости Вашей прошу вас!

Тос дээрим, Долаан Бурганым!

Всё плохое пусть покинет нашу стоянку раз и навсегда!

Пусть всё хорошее, доброе приходит к нам на счастье!».

После завершения молитвы бабушка, вернувшись в юрту, наливала чай в пиалу и подавала мне. Остальные её внучата часто сладко спали.

Мне вспоминается такая картина: вот я босиком выбежала из юрты. Вокруг горы: Чоолен, Эглип-Келген, Бай-Даг, Маа-Шашкан, а за ними высокие белоголовые хребты. Увенчанные никогда не тающими шапками льда, они, кажется, нависают над окружающим миром. С вершины Маа-Шашкана видны озеро Чедер и длинная цепочка гор Танды-Уула. Везде луга и пашни. Везде юрты. Журчит чистая прозрачная речка Биче-Баян-Кол, на берегу которой растет черная и красная смородина. А рыбы было тьма-тьмущая. Ребятишки рыбачили от случая к случаю, по настроению. При заходе солнца отблеск солнечных лучей отражается на горах Танды-Уула, как радуга. Затем я бегу мимо местечка Уш-Кожээ. Там есть действительно три каменных изваяний. Поляны здесь покрыты высокой травой, усеяны цветами и ягодами. Воздух насыщен незабываемым ароматом. Светит солнце. А небо такое голубое-голубое, высокое-высокое – аж дух захватывает. Даже облака здесь какие-то особенные: густые и гладкие, как сливочный крем. В предгорье пасутся овцы, козы, чуть в стороне от них ходит табун лошадей, телята. Где-то там, вдалеке, всадник мчится за табуном. Около отары овец, коз слышится горловое пение. Это поет Доржат-ирей. Дядя Балдып тоже что-то вдохновенно напевает, вспоминая о своей молодости, а высоко в небе – жаворонок. Какая красота! На такую красоту надо молиться. Теперь мне понятно, почему моя бабушка долго по утрам молилась. Именно около нашего сайзанака, почему-то мне вспомнился бабушкин наказ: «Ты ведь знаешь, Ажык, летом мы живём здесь – в местечке Уш-Кожээ, весной – в Хову-Аксы, зимой – в Одектиг-Ой, осенью – снова в Хову-Аксы, где жили мои предки. Внученька, бабушка твоя стареет, Коргудар, Чысынмаа они тоже скоро уедут работать в Кызыл, а ты – самая младшая – остаешься в юрте со мной. Мне одной трудно будет справляться с хозяйством, поэтому ты должна помогать мне. Ты ведь умница. Я в тебя верю». И я тогда твёрдо решила: всегда буду слушаться бабушку. Я научусь трудиться так, как она, буду пасти ягнят и козлят, варить обеды, помогать ей во всем.

Я всегда замечала, что в любой юрте встречают человека очень гостеприимно. И я знала, что каждому гостю обязательно нужно предложить традиционное тувинское угощение – чай, лепёшки или творог со сметаной, причем независимо от того, знакомый это человек или совсем чужой. Такая испокон веков у тувинцев традиция.

Я снова пришла в квартиру Рушевых. В комнате Нади почти ничего не изменилось, только на её кровати теперь спит Наталья Дойдаловна. На полке с любимыми книгами, на её рабочем столике – цветные фломастеры, карандаши, подарки. На тумбочке, на столе – её куклы, кактусы, цветы, радио, книги Наталии Владимировны Масловой «Графика Надежды Рушевой» и Николая Константиновича Рушева «Последний год Надежды», публикации в разных средствах массовой информации, поздравительные телеграммы, открытки с днём рождения. 20 ноября 2013 года Наталья Дойдаловна Ажыкмаа-Рушева отметила своё 87-летие. В коридоре – книжные шкафы до потолка, а в соседней комнате, среди шкафов с рисунками – стеклянный секретер с книгами отзывов.

В Туве Надю Рушеву, по праву, считают своей землячкой. Её мама – Наталья Дойдаловна Ажыкмаа – одна из первых тувинских балерин, первая солистка танца «Звенящая нежность».

Н. Д. Ажыкмаа – хранительница дома, этого живого очага любви и светлой памяти. Именно она явилась тем организатором порядка и распорядка времени, который позволил создать дочери и мужу необходимую атмосферу для творчества в тех скромных условиях быта. До сих пор Наталья Дойдаловна хранит этот порядок, дом, который, по сути, стал музеем Надежды Рушевой. «Наша мамочка», «Наташенька» величали Наталью Дойдаловну дочка и муж. Она дважды пережила в этом доме печальные дни прощания с ними: 6 марта 1969 года – с Надей и 23 октября 1975 года – с мужем. Твердая духом, всегда идущая вперед, уравновешенная, скромная, мужественная Наталья Дойдаловна, потеряв дочку и мужа, ради которых жила, потеряв зрение, продолжает жить, где жили и творили они. И также безмерно любит их она.

Я слушала эти воспоминания мамы Нади Рушевой, и верила, что сильнее материнской памяти и материнской любви нет на свете силы. Я попыталась не пропустить ни одного слова Натальи Дойдаловны, и ещё, её рассказ мне был так дорог потому, что я сама – тувинка, и что я понимаю, какую генетическую красоту передала она душе своей дочери.

– Однажды, – продолжает рассказ Наталья Дойдаловна: – После полудня со стороны Ооруга начала подниматься темная туча. Затем подул сильный ветер, подняв вдоль степи густую пыльную завесу. И через несколько минут послышался громкий стук падающих на землю градин. «Октаргайда бызыр-бызыр, оьт-сиген бызыр-бызыр, делегейде догдур-догдур, теве мыяа догдур-догдур. Тос дээрим оршээ! Долаан-Бурганым оршээ!» – молилась бабушка. («Во вселенной звёзд, созвездий – видимо-невидимо, трав-растений – видимо-невидимо, в целом мире звонко бьёт по земле град – дзень-дзень, глухо падает на землю верблюжий помёт – бух-бух. Девять небес моих, Большая Медведица – Чеди-Хаан – Семь Ханов моих! Пощади нас!»).

Гулкий грохот стоял такой, словно беспрестанно гремел гром.

– На всё воля бургана (Божья), Ажык, – успокаивала меня бабушка.

Мне было совсем не страшно, ведь рядом со мной бабушка, которая ничего не боится. Бабушка ко мне относилась ласково как к самой младшей и часто болеющей, и я в свою очередь на ласку бабушки была отзывчива. Она никогда не заставляла делать то, чего не хотят делать дети. Она спокойно мне говорила: «Всегда слушай старших, научись тому, что я делаю. Дорогая Ажык, человеком становятся с детства».

Двоюродный шустрый младший брат Курбу был озорным, непоседливым, очень подвижным, и этим отличался от сверстников. Иногда он давал мне подзатыльники. Тогда бабушка с Курбу была строже, требовательнее.

Когда нам было семь или восемь лет, в Доге-Баары впервые увидели грузовую машину. А когда нас покатали, мы так радовались, как будто побывали в космосе, и постоянно вспоминали об этом случае.

Я, и ростом маленькая, все равно как могла, помогала старшим, училась шить. Бабушкины пословицы: «Не привыкай к неге, а привыкай к трудностям» – я запомнила на всю жизнь. Бабушка знакомила меня с раннего детства с близкими родственниками: «Хотя у тебя нет мамы, отца, но от сиротства не умирают». Действительно потом я поняла, что связь с родней делает человека сильным, уверенным в себе. Поэтому я подробно расскажу о своих родственниках.

У моих родителей было пятеро детей. Это мой старший брат Седип, я его совсем не помню – он скоропостижно скончался от оспы вместе с мамой. Второй ребенок, самая старшая моя сестра Кок – это бабушка моего внучатого племянника Тайбына. Их семья – сестра Кок с мужем Бадарчы честей жили в Кара-Суге. У них, кроме юрты, был дом. Дети – Апын, Хандыжаа, Севээн, Барба, Каадыр-кыс, Доржукай. Кок угбай умерла в 1950 году, у нее остались шестеро детей, в том числе дочь Апын. В детстве я нянчила Апын, она всегда, как привязанная, ходила за мной. Чтобы не отстать от подруг, мне приходилось таскать её на спине. А она была крупной и крепкой, поэтому, ох, как было тяжело.

Третий ребенок – Ошку-Саар угбай. Она бабушка другого внучатого племянника Тимура – Тимур Кызыл-оолович Ховалыг работал начальником юридического отдела Управления Россельхознадзора, сейчас работает в Парламенте, у него трое детей. У сестры Ошку-Саар ещё есть дети Делгермаа, Лора (у неё муж русский, жили на Дальнем Востоке, как туда уехала, больше не знаю).

Четвертой в семье моих родителей была сестра Коргудар. Она работала дояркой на молочно-товарной ферме. У сестры была дочь, которая умерла в пять лет. Однажды Коргудар попала под дождь, сильно простудилась, после этого так и не оправилась – умерла от воспаления легких в 1950 году, в совсем молодые годы.

В нашей семье самая младшая – я. Из них, в настоящее время в живых осталась тоже только я.

Сейчас перечислю поколения моих родных сестер:

Дети Апын: 1) Галина (умерла); 2) Слава (умер); 3) Рая; У Раисы 3 детей – все мальчики, сейчас в живых один Игорь; 4) Фадей; 5) Тайбын – Бадарчи Тайбын Салчакович – бывший председатель сумона Сесерлиг, фермер в аратском хозяйстве; 6) Андрей – Бадарчи Андрей Салчакович – учитель труда в школе п. Сесерлиг, её жена – Бадарчи Светлана Бажиновна – завуч по воспитательной работе в средней школе Сесерлига (имеет два высших образования), вот она-то была на юбилее – 60-летию Нади. У них 4 детей: Буян, Маша, Айдын, Баян-Чыргал (один мальчик, остальные все девочки).

Никогда не забуду детей маминой сестры Билчит (второй дочери моей бабушки): 1) скромную, тихую Матпа; 2) самого аккуратного человека в работе среди них Насыкпан; 3) тщательного, внимательного Курседи; 4) немногословную, но с удивительной памятью Анайбан; 5) честную, добрую Чысынмаа (она же Рая, её муж Олег Карламович Сагаан-оол).

В Кара-Суге была вторая юрта – это юрта Сымыяа акый и Кимаа угбай. У них было много детей. Помню только старших – Марата, Доржу, Марию. Широкоплечий, высокий, светлолицый Сымыяа акый был хорошим плотником, одним из первых переехал в Сесерлиг, и многие первые дома построены им. А его жена смуглая, улыбочивая Кимаа была мастерицей, всегда что-то вышивала, особенно у нее хорошо получалась бопуктар – мягкая обувь для младенцев, и все женщины аала обращались к ней, когда их дети начинали ходить. В Сесерлиге они одними из первых стали разводить огород и выращивать овощи. Вот так мы жили в Биче-Баян-Коле.

В Сарыг-Сигене стояла юрта Чамзоо акыя – отца Ивана Салчака, заслуженного художника Тувинской АССР. У них кроме Ивана, были дети Арапчын, Дываа, Макар. Дед Чамзоо

и Булаган – прославленные борцы республики. В местечке Даш-Оваа есть большой камень, который дед Чамзоо перетащил от подножия горы до её вершины. Его внук Эрес Иванович, ныне живущий в Америке, даже не знает об этом камне.

Я опять в доме Рушевых. Продолжаю нашу беседу. Я лично знаю Эреса – сына художника Ивана Салчака. Тут я вспомнила наше совместное первое восхождение с ним и с другими альпинистами во главе Маадыр-оола Бартыштаановича Ховалыг на Монгун-Тайгу в майские праздники 1996 года: выла выюга, а мы с трудом поднимались и поднимались на гору...

Н. Д. Ажикмаа мне и говорит: «Зоя, ты всегда приходи, поговори со мной, я всё помню, меня не забывай, мне кажется, я совсем не изменилась, только ничего не вижу».

Иногда пытаюсь поставить себя на место Натальи Дойдаловны: закрываю глаза и пробую пройти по её квартире, ощупывая стены и мебель. Вроде бы, получается, ведь все знакомо. Но долго так выдержать трудно: глаза открываются произвольно, они хотят видеть свет. Психологически очень трудно, невозможно представить, что вот так – в полной темноте – можно просуществовать самостоятельно, надеясь только на самого себя. Я её спрашиваю:

– А вы, наверное, чувствуете, где и что находится?

– Конечно, Зоя – чувствую. Всё чувствую. Я взяла себя в руки – научиться выжить. Я снова учусь не просто ориентироваться в своей квартире, но и в жизни.

После такой оптимистической её речи улетучились мои грустные думы и, я с радостью продолжаю писать. Я рада, что общаюсь с ней, пишу её воспоминания...

Летом в Биче-Баян-Коле я в свободное время играла со своими подругами из соседних юрт Доспанай и Кашпык-Уруг. Мы кувыркались, делали гимнастические упражнения, скакали на лошадях. Однажды подруги прибежали ко мне и с радостью сообщили:

– Завтра мы поедem в школу учиться. Желающих учиться записывает дарга – чиновник в той юрте. Мы уже записались. Ажык, ты будешь учиться с нами?

– Бабушка, мне можно пойти в школу? – спросила я.

– Ты ещё маленькая. Школа находится в Даспы-Аксы (ныне село Кара-Хаак), это отсюда очень далеко. Если я тебя отправлю туда, то не смогу спать ночами. Подожди ещё год. Потом пойдешь учиться. Школа – не волк, в лес не убежит.

Я согласилась. А в школу пошла не через год, а через два года, так как после перенесенного какого-то желудочно-кишечного заболевания у меня был ослаблен организм. Помню, даже не могла ходить, только ползала по юрте, все думали, что я умру скоро. Только бабушка, несмотря ни на что, выходила меня с помощью отваров из каких-то лекарственных трав. Через два года бабушка всё же отпустила меня в Даспы-Аксынскую школу. Вот такая она была! Ничего не жалела для меня. Говорят, только благодаря ей я осталась жива. Она говорила: «Нет дороже мне человека, чем внучата. Мои внучата дороже, чем мои дети. Потом подрастешь, поймешь, о чём я говорю, Ажык».

Жила там в интернате. Это было моей первой разлукой с родной юртой, с бабушкой, и, конечно, первое время было тяжело. В школе я хорошо училась. Тяга к знаниям, целеустремленность, бабушкины советы и её воспитание помогли мне преодолеть все трудности. Я очень быстро догнала своих сверстников, но мне всегда не хватало бабушкиной чуткости и заботы.

В 1937 году бабушки не стало. Все сестры знали, что я была очень привязана к бабушке, поэтому решили забрать меня в Кызыл. В Даспы-Аксынскую начальную школу в командировку приехал дарга из Кызыла Момбужай акый (кажется, его фамилия Маады). Меня посадили на коня за ним.

Учителя попросили отвезти меня в Кызыл к сестре Ошку-Саар. И дарга довез. Сестры Ошку-Саар дома не было. А я, целый день ехавшая верхом, задремала. Проснувшись я оттого, что кто-то нежно погладил меня по голове. Открыв глаза, я увидела перед собой сестру Ошку-

Саар, глядевшую на меня с жалостью и нежностью. Затем она подогрела воду, сняла с меня кофту, далембовую юбку, на которой вместо резинки была веревка, грязное бельё, вымыла меня и сказала, что завтра купим в магазине новую одежду.

На следующий день Ошку-Саар выполнила обещание – купила мне всё: от панамки до сандалий. В новой одежде я совсем преобразилась и стала чувствовать себя увереннее. Каждый вечер я нюхала сандалики – от них хорошо пахло кожей. Сестра Ошку-Саар работала в аптеке №1. Недалеко от аптеки, на пересечении двух улиц, находился киоск, где каждый день продавали мороженое. Сестра мне давала немного денег на карманные расходы, на которые изредка я его и покупала.

Мне приехавшей из деревни, Кызыл показался огромным, шумным городом. Я начала учиться в Кызылской объединённой школе. Школа располагалась в двухэтажном деревянном здании. Учились на первом этаже, а жили на втором. Из педагогов помню учителя начальных классов Таисию башки – в наше время так вежливо обращались к учителям, она в одном классе учила учеников сразу двух классов, тогда были малокомплектные классы. Башки – учитель Таисия Спиридонова по национальности татарка обращалась к ученикам по-русски, поэтому у меня были большие проблемы с языком. Также Овус башки преподавал историю. Он был всегда опрятно одет.

– Наталья Дойдаловна, потом когда-нибудь встретили своих башки – учителей?

– В 1972 или 1973 году Овус башки был у нас в гостях в Москве. Вместе с Николаем Константиновичем посетили Красную площадь, Мавзолей, побывали во многих исторических местах.

А в шестом или седьмом классе начали учиться в новом здании, сейчас это школа №2, так как старый корпус сгорел. В школьные годы я дружила с Лопсаной, Кашпык, Долумой, Янданмаа, Нанзалмой, Кок. Позже подружилась с Зоей. Она была лучшей ученицей школы, сейчас это Зоя Борандаевна Чадамба, одна из первых ученых Тувы. Жили интересно, не было скучно. Летом было, сколько работы, что даже дети не оставались без дела – стрижка и купание овец, заготовка войлока, сенокос. А женщины после утренней или вечерней дойки коров обучались письму. Все, кто интересовался музыкой, учился играть на мандолине, балалайке или на гармошке.

Помню, с каким трепетом мы ждали Наадым – праздника животноводов, каждый заранее думал, как оденется, а выбор-то был скудный. Заранее договаривались с взрослыми, кто посадит верхом позади себя, чтобы доехать до Кара-Суга (сейчас это часть Кызыла – район зверофермы на правом берегу Енисея). Во время Наадыма проводились различные соревнования, но больше всех привлекали скачки и борьба хуреш.

Жизнь Н. Д. Ажыкмыты-Рушевой оказалась очень тесно переплетена с судьбой страны и, в частности, с такими драматическими и переломными страницами её истории, как годы репрессий, Великая Отечественная война.

Через некоторое время в семье сестры Ошку-Саар случилась беда. Её мужа – молодого, красивого, очкастого Шавы арестовали в 1938 г., как родственника врага народа – директора банка Данчая, отправили в ссылку в неизвестном направлении, и он совсем пропал (тогда одиннадцать человек расстреляли, реабилитировали только в 1964 г.). Та же участь ждала и Ошку-Саар. Её выслали в Дзун-Хемчикский район. Дочь Данчая – Галина Сайзуу – была моей лучшей подругой. Её исключили из школы №1, русские учителя пожалели Сайзуу, направили учиться на швею.

Тогда из семьи Ошку-Саар меня взяла сестра Анайбан, затем сестра Рая. В 1941 году сестра Ошку-Саар снова приехала в Кызыл со вторым мужем Холчукпен, который рабо-

тал в кожевенном заводе. Он оказался добрым, отзывчивым, трудолюбивым человеком. Дети Ошку-Саара: Лора и Делгермаа, а их дети – Света, Тимур до сих пор не забывают меня.

После каникул меня забрала сестра Чысынмаа, которая работала наборщицей в типографии в Кызыле. Сестра очень хорошо относилась ко мне. Я постепенно привыкла к городской жизни. Кроме основной учебы в школе с подругами я ходила в кино, клуб, активно участвовала в художественной самодеятельности школы, особенно любила танцы. Я с детства занималась спортом, особенно волейболом, танцевала, пела. Когда бывала в Кызыле, часто ходила в театр, с восхищением смотрела на артистов. По вечерам молодежь отдыхала: один играл на мандолине, другой – на балалайке, пели, танцевали. Время прошло как-то незаметно. В тот год, когда я перешла в 6-ой класс, я случайно натерла ногу. Появился нарыв, – рана долго заживала. Я ходила с трудом, из-за чего не смогла учиться и отстала на один класс. Во время летних каникул я часто приезжала на малую Родину – в Уш-Кожээ, в свой родной Баян-Кол. Там жили дядя Балдып с сыном Курбу и сестра Коргудар. Останавливалась я у тети Матпы.

Наталья Дойдаловна с нежностью говорит о бабушке

– Изредка я заходила в нашу опустевшую, осиротевшую юрту. Было очень тоскливо, сердце щемило, но жить там я бы не смогла. Теперь, уже вся седая, про себя каюсь и прошу у покойной бабушки прощения за причинённую (если она есть) ей боль на протяжении всей моей извилистой жизни, – с горестью сказала Наталья Дойдаловна.

22 июня 1941 года узнали о нападении немецких фашистов на СССР. Это в моей памяти остался навсегда. Вот как это было.

У нас в Сесерлиге шли спортивные состязания, когда в аал прискакал всадник. Это был партийный секретарь из Турана. Он велел срочно всех собирать, сказал, что будет особое сообщение. Все помчались туда, где услышали горькую весть. Он обратился ко всем арадам с просьбой с сегодняшнего дня работать и жить по-военному, всеми силами помогать фронту. Он говорил и призывал так горячо, что у нас захватывало дух.

С началом Великой Отечественной войны наша жизнь резко переменилась. Мы, дети, сразу повзрослели как-то. Тогда мне только исполнилось 15 лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.